КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

МАНДАРИНЪ

Мандаринъ — чуть ли не съ бѣлымъ шарикомъ по сану, но самаго китайскаго закона — мандаринъ этотъ правилъ по китайскому обычаю, будто взялъ управленіе свое на откупъ. «Отъ превратности судебъ не уйдешь — говаривалъ онъ со вздохомъ — а потому надо сегодня подумать о завтрашнемъ днѣ....»

И помощникъ былъ у него, въ числѣ другихъ, прехорошій, держалъ порядокъ въ городѣ всегда приличный сану случайныхъ посѣтителей и первый являлся, подавая собою примѣръ, въ мундирѣ и полной формѣ, съ рапортомъ о благополучіи. Глядя въ это время на него, никто бы не могъ усомниться въ этомъ благополучіи: оно написано было у него на кругломъ, благообразномъ лицѣ. Расправа его, какъ и

судъ и правда мандарина съ бѣлымъ шарикомъ, была всегда сообразна съ числомъ сахарныхъ головъ и другихъ хозяйственныхъ потребностей, подносимыхъ просителями, и самъ онъ, утѣшая совѣсть свою, говаривалъ въ тѣсномъ кружкѣ: «отъ благодарности не отказываюсь, видитъ Богъ, не отказываюсь, а вопіющаго за мною нѣтъ ничего, я не злодѣй.»

Вотъ и дошли какъ–то слухи, подальше и повыше, объ этомъ мандаринѣ и о помощникахъ его, — слухи не корыстные, отъ которыхъ иному не поздоровится. Я говорю: иному, потому что инаго и пила не беретъ, и топоръ не рубитъ; иной прогуливается вѣкъ свой подъ сводомъ законовъ, какъ у себя дома, и не зацѣпитъ ни за пень, ни за сукъ — все обойдетъ. Дошли, однакожь, слухи, и прислали опаснаго человѣка провѣдать: что–де тамъ такое дѣется и творится, почемъ міръ воздыхаетъ?

Но и наши не дремлютъ; на свѣтѣ не безъ добрыхъ людей: почты за двѣ, за три

кто–то перешепнулся съ ними о томъ, кого и зачѣмъ и когда ждать. Помощникъ, какъ гораздо пониже чиномъ и помоложе, сробѣлъ было немного; а старшій китайскій мандаринъ и усомъ не ведетъ.

— Какъ былъ я еще въ твоемъ чинѣ, сказалъ онъ ему: — такъ видывалъ всякихъ: иной съ перваго разу не даетъ и приступиться, копытомъ землю роетъ, полымемъ изъ ноздрей пышетъ, а ржетъ, что огнемъ палитъ. Походишь около него помаленьку, подашь ему голосъ, потреплешь да погладишь его — глядь, анъ сѣлъ и поѣхалъ!

Опасный пріѣхалъ. Молва, какъ я сказалъ, давно его опередила и разславила, что спуску не будетъ никому и ни въ чемъ. Зналъ уже и самъ онъ кой–что по наслышкѣ, и потому спокойный и беззаботный видъ мѣстнаго начальства его озадачилъ; всѣ рапорты о благополучіи обставлены были, по наружности, такимъ довольствомъ и покоемъ, что имъ нельзя было не вѣрить. Сталъ онъ доискиваться, подкапываться, да какъ–то кладъ не

дается: вотъ только, кажется, нашелъ, анъ въ трехъ словахъ дадутъ такое законное объясненіе, что только пожмешь плечами да и отойдешь, а ину пору и извинишься, самъ на себя вину поклеплешь. Опять иное дѣло попадется, вотъ, кажется, хоть удавись, не вылѣзетъ, такъ обстоятельства оказываются затяжными: много еще нужно справокъ и слѣдствій, до облеченія всего этого въ законную форму, и конца дѣла намъ не видать, какъ ушей своихъ.

Рвется и бьется мой опасный — видитъ и слышитъ, что тутъ да тамъ у него сквозь пальцевъ проскочило, по усамъ текло, да въ ротъ не попало, и ужь не знаетъ, какъ ему быть, а съ пустыми руками воротиться не охота. Вотъ и слышитъ онъ, между прочимъ, отъ прикормлениковъ своихъ, что–де такой–то купчишко, катаясь въ милости начальства, какъ сыръ въ маслѣ, безстрашно посягаетъ на все: ему–де не только обвѣсъ и обмѣръ ни почемъ, а есть за нимъ дѣла еще и почище, что и сказать вслухъ страшно: онъ–то и переводитъ фальшивыя деньги и этимъ разбогатѣлъ

скоро; да есть–де у него и товарищи въ этомъ дѣлѣ, одинъ коренной православный, другой крещеный жидъ. Эта шайка хозяйничаетъ безстрашно, и на нее нѣтъ суда; случалось раза два, что они попадались, такъ вывертываются, какъ с гуся вода, и ничего имъ не сдѣлаешь.

Опасный мой, разузнавъ толкомъ дѣло, насторожилъ ловушку свою — и монетчики попались на сей разъ, какъ куръ во щи. «Ура! — подумалъ про себя ловецъ — насилу–то, насилу! Ну, хоть что другое не удалось, а ужь въ этомъ дѣлѣ не отвертятся: улика на лицо, вотъ она, вынута при понятыхъ, при свидѣтеляхъ — семь цѣлковиковъ, и все оловянные. Пусть же отдѣлываются, пусть укажутъ, откуда они у нихъ взялись!»

Начальство вполнѣ раздѣляло и рвеніе и самое негодованіе ловца насчетъ этой поимки: надо строжайше изслѣдовать и непремѣнно открыть, откуда фальшивыя деньги взялись.

Дѣло пошло своимъ чередомъ, и потворства не было никакого: цеховой

пробирный мастеръ засвидѣтельствовалъ, что цѣлковые эти оловянные; понятые засвидѣтельствовали и подписали, что деньги найдены въ выручкѣ такой–то лавки; нашлось и еще двое старыхъ покупателей, которые также представили по оловянному цѣлковому, полученному въ сдачѣ изъ этой же лавки, и хотя нехорошо, что они не представили ихъ во–время, но ловецъ брался ихъ выручить, лишь бы получить всѣ улики на мошенниковъ. Какія затѣи были у мѣстнаго начальства, у мандарина о бѣломъ шарикѣ и у помощника его — этого никто не зналъ; но они проводили преспокойные и превеселые вечера, какъ бывало въ прежнее мирное время, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что имъ бы нельзя не заботиться объ этомъ случаѣ, по разнымъ прежнимъ отношеніямъ своимъ къ этой тайнѣ. Сверхъ того, дѣло вовсе ни съ чѣмъ несообразное, ходятъ по городу слухи, будто и нынѣшнее–то дѣло уже улажено, между переводчиками фальшивыхъ денегъ и мандаринами, такъ

что обѣ стороны довольны и обѣ спокойны. Это что–то мудрено!

Слѣдствіе приходитъ къ концу и ограничивается тѣмъ, что лавочникъ не знаетъ, отъ кого принялъ деньги, признанныя фальшивыми, утверждая, что ему знать и помнить это, при множествѣ покупателей, нельзя. Но, при всѣхъ уликахъ, это не отговорка. Опасный, на всякій случай, оградился всѣми предосторожностями и, между прочимъ, просверлилъ фальшивые цѣлковые и припечаталъ ихъ на снуркѣ къ листу бумаги, на которомъ содержится опись ихъ.

— Ваше превосходительство! прошепталъ подручникъ, прибѣжавъ, запыхавшись, къ мандарину о бѣломъ шарикѣ: — бѣда!

— А что такое?

— Да вотъ, извольте видѣть, слѣдствіе препровождено на законное постановленіе, а цѣлковые–то на снуркѣ и припечатаны!

Мандаринъ посмотрѣлъ опытнымъ глазомъ на цѣлковые, на печать, взглянулъ и на подручника своего, пошелъ, не говоря

ни слова, въ кабинетъ свой, вынесъ оттуда девять цѣлковыхъ того же года и чекана, какъ припечатанные, и, подавая ихъ своему подручнику, сказалъ спокойно:

— Я, братъ, думалъ, что ты съ годами умнѣешь, а ты все тотъ же дуракъ: на, возьми, коли у тебя нѣтъ своихъ, просверли ихъ да и припечатай на мѣсто этихъ.

Подручникъ невольно ударилъ себя ладонью въ лобъ, но потомъ сказалъ:

— А печать?

— Да ты погляди, отвѣчалъ тотъ: — со страху небо съ овчину видится! Погляди, печать–то твоя....

И, въ самомъ дѣлѣ, цѣлковые припечатаны были, въ полномъ присутствіи слѣдователей, печатью полиціи.

Итакъ, цѣлковые были просверлены и припечатаны, а найденные у лавочника исчезли. Мандаринъ представилъ припечатанные цѣлковые куда слѣдовало, при такомъ донесеніи:

«Здѣсь–де найдены цѣлковые, признаваемые фальшивыми, и пробирный мастеръ удостовѣряетъ тоже; но до

передачи дѣла въ судъ надо знать положительно, фальшивыя ли деньги эти; я что–то сомнѣваюсь, и потому представляю ихъ на разсмотрѣніе.»

А оттуда и шлютъ ихъ назадъ, приказывая сказать дурака пробирному мастеру и увѣдомляя, что цѣлковые эти не фальшивые, а настоящіе. Сообщая это все опасному ловцу, въ самой простодушной бумагѣ, мандаринъ нашъ прибавилъ только къ тому отъ себя:

«А какъ цѣлковые эти, по распоряженію вашему, были просверлены и, на основаніи постановленій, потеряли ходъ и цѣнность свою, то не угодно ли вамъ выслать то же число ихъ, для вознагражденія потерпѣвшихъ отъ сего убытокъ.»

В.ДАЛЬ